

УДК 159.9.072+159.928.235

**Белоусова А.К.,  
Вышквыркина М.А.**

## **ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ О ДРУГОМ ЧЕЛОВЕКЕ**

**Ключевые слова:** мышление, межличностное познание, мышление о другом человеке, социальный интеллект.

В последнее время, когда практическая жизнь людей требует интенсивного, но часто кратковременного общения, вопросы исследования механизмов, закономерностей познания другого человека выступают одной из актуальных задач психологии. Процессы познания другого человека включены в повседневную жизнь, общение и деятельность человека, но достаточно часто выступают как фон, на котором проходит общение, профессиональная и предметная деятельность. Мыслительная деятельность, направленная на других людей, включена в жизненные процессы человека, опосредуя их, но, как правило, не выступает предметом рефлексии человека, который пользуется накопленными знаниями о другом человеке как одним из продуктов своей деятельности. Человек редко отдает себе отчет в том, что его знания о людях являются результатом его мышления о них, а не просто результатом его деятельности, общения и жизни с ними.

В психологии на первый план в развитии представлений о мышлении выходят закономерности, механизмы и процессы, связанные с познанием предметного мира, а вопросы познания другого длительное время не возникали как проблема психологического анализа. Начиная с середины XX столетия эта проблематика стала интенсивно разрабатываться в различных направлениях психологии, сначала как общие вопросы познания другого человека, и только в последние десятилетия происходит поворот исследователей непосредственно к изучению вопросов мышления о другом.

За время развития проблемы познания другого человека сформировался достаточно большой пласт работ, посвященных различным аспектам ее изучения (К.А. Абульханова-

Славская, А.К. Белоусова, А.А. Бодалев, Т.П. Гаврилова, Н.П. Ерастов, В.В. Знаков, Я.Л. Коломинский, Н.В. Крогиус, В.Н. Куницына, В.Н. Панферов, Л.А. Регуш, К.М. Романов, С.Л. Рубинштейн, О.К. Тихомиров, Н.Ф. Федотова и др.).

Анализ работ, посвященных проблеме возникновения мышления о другом человеке в процессе межличностного познания, позволил нам выделить несколько направлений, сложившихся в психологии.

Первое направление рассматривает мышление о другом человеке в рамках традиционного изучения психологических особенностей мышления (А.К. Белоусова, В.В. Знаков, С.Л. Рубинштейн, О.К. Тихомиров и др.).

Второе направление изучает мышление о другом человеке в рамках социального мышления (школа К.А. Абульхановой-Славской).

Третье направление анализирует мышление о другом человеке, возникающее в конфликтных ситуациях (Л.С. Архангельская, Н.В. Крогиус и др.).

Четвертое направление предполагает изучение мышления о другом человеке как аспекта социальной перцепции (школа А.А. Бодалева, К.М. Романов).

Пятое направление рассматривает мышление о другом человеке в рамках изучения социального интеллекта (В.Н. Куницына и др.).

Необходимо отметить, что существует множество терминов, используемых для обозначения мышления, функционирующего в структуре межличностного познания, обобщение которых позволяет выделить некоторые общие признаки, свойственные такому мышлению:

- возникновение мышления инициируется новизной, неясностью, неопределенностью ситуации;
- непосредственная включенность в контекст межличностных отношений;

- зависимость от потребностно-мотивационной сферы;
- зависимость от эмоциональной сферы;
- специфические механизмы: эмпатия, рефлексия, идентификация, проекция, прогнозирование и т.д.;
- актуализация в сознании человека знаний, накопленных в ходе взаимодействия с другими людьми.

Для понимания характера и особенностей мышления о другом человеке мы исходили из концепции смысловой теории мышления О.К. Тихомирова [6] и концепции системной природы совместной мыслительной деятельности А.К. Белоусовой [1–3]. В основе этих представлений лежит понимание того, что система мыслительной деятельности реализуется посредством процессов смыслоформирования, целеформирования, мотивоформирования, формирования оценок, в которых совершаются ее развитие и самоорганизация. Продуктом осуществления этого предметного, процессуального плана мыслительной деятельности является формирование различных новообразований, таких как смыслы, оценки, цели, мотивы. Основываясь на данных представлениях, мы предположили, что мышление о другом человеке организуется с помощью таких же процессов. На основании этого мы выделили возможные формы мышления о другом человеке, возникающие в процессе решения потенциально проблемных или личностно конфликтных ситуаций, возникающих в процессе межличностного взаимодействия. Нами были выделены три формы мышления о другом человеке, в которых доминирует один из перечисленных процессов:

- «оценивающее мышление», в котором доминируют процессы оценивания, направленные на другого человека;

- «действенное мышление» с преобладанием процессов целеформирования, приводящих к формированию готовности действовать по отношению к другим людям;
- инициация мыслительной деятельности, направленной на разрешение противоречий в системе знаний о другом человеке; в третьей форме мышления представлены процессы смыслоформирования, обеспечивающие инициацию мыслительной деятельности.

Для подтверждения этого предположения мы провели эмпирическое исследование, целью которого явилось выявление особенностей мышления о другом человеке.

Объект исследования: мышление о другом человеке.

Предмет исследования: особенности инициации мышления о другом человеке.

В соответствии с целью исследования нами были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

1. Мы предполагаем, что мышление о другом человеке включает в себя разные формы, отражающие оценочные, действенные и инициативные компоненты, доминирующие у человека.
2. Существуют разные формы «ухода» от мышления в потенциально проблемных ситуациях, характеризующих межличностное взаимодействие.
3. Мы предполагаем, что мышление о другом человеке включено в социальный интеллект, взаимосвязано с его компонентами.

Цель, объект, предмет и задачи исследования обусловили выбор объекта эмпирического исследования.

Психодиагностические исследования проводились в период с 2005 по 2008 г. среди студентов вузов. Всего в

исследовании приняли участие 276 человек в возрасте от 17 до 19 лет.

Для подтверждения наших гипотез мы использовали следующие методы и методики:

1. Методика исследования социального интеллекта Гилфорда–Салливена в адаптации Е.С. Михайловой (Алешиной), которая позволяет измерить как общий уровень социального интеллекта, так и частные способности к пониманию поведения. Методика включает в себя 4 субтеста:

- «Истории с завершением»;
- «Группы экспрессии»;
- «Вербальная экспрессия»;
- «Истории с дополнением».

Субтесты диагностируют четыре способности в структуре социального интеллекта: познание классов, систем, преобразований, результатов поведения [5].

2. Для анализа особенностей мыслительной деятельности, направленной на другого человека, нами была использована специально подобранная ситуация.

В основе предложенной потенциально проблемной ситуации лежит идея С.Л. Рубинштейна о том, что «в повседневной жизни, общаясь с людьми, мы ориентируемся в их поведении, поскольку мы как бы “читаем” его, т.е. расшифровываем значение его внешних данных... Это “чтение” протекает бегло, поскольку в процессе общения с окружающими у нас вырабатывается определенный более или менее автоматически функционирующий психологический подтекст к их поведению» [7, с. 180]. Также автор замечает, что «пока манера общения с другими, род занятий, качество труда, внешний облик, отклик на происходящие события, преследуемые цели, весь уклад жизни, присущие другому человеку, соответствуют образцам, которым привык

следовать общающийся с ним субъект, последний обычно проявляет своеобразное “равнодушие” к психологии другого... И только когда образ жизни, манера вести себя, реагирование на происходящие события, внешний облик человека отходят от тех “образцов”, которые в глазах общающегося с ним являются выражением “нормы”, последний от регистрации внешней стороны поведения познаваемого человека переходит к психологической классификации его поступков, пытается дать им ту или иную оценку и понять и познать этого человека как личность» [7, с. 182].

Таким образом, базируясь на постулатах С.Л. Рубинштейна, в качестве потенциально проблемной ситуации мы использовали одну из ситуаций, предложенных Ф. Розенцвейгом в методике рисуночной фрустрации. Мы исходили из того, что в данном тесте предполагается несколько типов ситуаций, в частности ситуации «препятствия». Выбранная нами ситуация, на наш взгляд, реализует актуальную для юношеского возраста сферу межличностных отношений.

Нами была предложена модификация ситуации № 8: «Представьте, что во время Вашей болезни Ваш парень (девушка) пригласил на вечеринку Вашу подругу (друга). Опишите Ваши действия в данной ситуации».

Само представление о разрешении предложенной потенциально проблемной ситуации было нами дифференцировано. Мы выделили как формы мышления о другом человеке, так и непосредственные формы ухода от инициации мышления.

3. Элементы контент-анализа.

4. Методы статистической обработки данных (пакет статистических программ для гуманитарных наук SPSS 13.0).

Результаты нашего исследования представлены следующими данными. На предложенную потенциально проблемную ситуацию респонденты продемонстрировали два основных типа реакций:

1. Различные формы мышления о другом человеке (29,4%):

- «оценивающее мышление», предполагающее доминирование процессов оценивания, направленного на другого человека (6,2%);
- «действенное мышление», в котором доминирует готовность действовать по отношению к другому (10,9%);
- инициация мыслительной деятельности, направленная на разрешение противоречий в системе знаний о другом человеке (12,3%).

2. Различные способы ухода от решения потенциально проблемной ситуации (70,6%).

При этом если первая группа реакций достаточно типична в своих проявлениях, то во второй группе вариативность ответов очень велика. Используя элементы контент-анализа, мы выделили шесть категорий, объединяющих в себе аналогичные варианты ответов. Данные категории были выделены по нескольким критериям:

1. По степени активности:

- «пассивная реакция» – «промолчу», «сделаю вид, что ничего не случилось», «поплачу, но прощу», «скрою эмоции» (7,4%);
- «активная реакция» – «брошу», «расстанусь», «он для меня исчезнет», «перестану общаться», «буду игнорировать», «выброшу из головы» (22,9%).

2. По степени принятия ситуации:

- «отрицание» – «такого не может быть», «он (она) так не поступит» (12,2%);
- «принятие» – «мне все равно», «это нормально», «в этом ничего такого

нет», «я им (ей, ему) доверяю» (8,7%).

3. По направленности:

- «агрессивная реакция» – «отомщу», «убью», «набью морду», «скажу все, что о нем (ней) думаю», «дам пощечину», «поставлю в такое же положение», «заставлю его (ее) ревновать» (13,6%);
- «меркантильная реакция» – «прощу за подарок», «прощу за повышенное внимание», «прощу, если он (она) сильно постарается», «прощу, если долго будет просить о прощении» (5,8%).

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что, к сожалению, тенденция демонстрировать различные варианты «ухода» от мышления о другом человеке в потенциально проблемных ситуациях или в ситуациях личностно конфликтных свойственна большинству людей (В.В. Знаков, О.М. Краснорядцева, В.Н. Панферов и др.). Подобная тенденция формируется в связи с особенностью человека в процессе межличностного познания оперировать имеющимися у него стереотипами, шаблонами общения. Следовательно, если имеющийся стереотип «ложится» на потенциально проблемную ситуацию как вариант ее решения, то потребность в самом мышлении отпадает, так как проблема разрешена.

В задачи нашего исследования входило проведение сравнительного исследования особенностей мышления о другом человеке у лиц с разным уровнем развития социального интеллекта. Анализ результатов диагностики социального интеллекта в исследуемой выборке показал, что для лиц с уровнем развития социального интеллекта выше среднего в большей степени свойственна «агрессивная» реакция – 22,79%. То есть в случае личностно

конфликтной или потенциально проблемной ситуации данная группа будет проявлять, по их мнению, вербальную или физическую агрессию.

Студенты со средним уровнем развития социального интеллекта, как и студенты с уровнем развития ниже среднего, чаще всего проявляют «активную» реакцию – 24,78 и 22,5% соответственно. То есть, по их мнению, в подробной ситуации их действия будут направлены на разрыв отношений с партнером.

Необходимо отметить, что во всех группах наиболее часто встречаются реакции ухода от сложившейся ситуации без попыток ее решения. Подобные результаты, на наш взгляд, могут быть объяснены двояко. С одной стороны, реакции ухода от проблемной ситуации являются наиболее часто встречающимися в процессе межличностного взаимодействия и познания. С другой стороны, подобные результаты могут быть объяснены стремлением юношей и девушек выглядеть «на высоте» в сравнении с другими участниками исследования, предоставляя социально одобряемые варианты ответов.

Для лиц с высокоразвитым социальным интеллектом, как и для респондентов с низким уровнем развития социального интеллекта достаточно часто встречающейся реакцией на нестандартную ситуацию является и «инициация мышления»: 21,05 и 21,74% соответственно. Следовательно, данная группа достаточно часто в критических ситуациях стремится найти причины сложившейся ситуации и разрешить ее.

Примечательно, что лица, для которых по субтестам методики Гилфорда–Салливена свойственно испытывать трудности в понимании и прогнозировании поведения людей, в случае про-

блемной ситуации стараются найти ее первопричину. Подобные результаты, на наш взгляд, можно объяснить, с одной стороны, недостатком предыдущего опыта, что влечет за собой инициацию мышления в каждой новой ситуации. А с другой стороны, тематикой самой ситуации. Вероятно, в личном опыте респондентов схожих ситуаций не было, и в процессе исследования была проявлена попытка прогнозировать ситуацию.

В группе со средним уровнем развития социального интеллекта на втором месте по частоте встречаемости располагается «отрицание». То есть данная группа респондентов часто отрицает даже возможное существование самой ситуации.

На третьем месте по частоте встречаемости в группе лиц с высоким уровнем развития социального интеллекта расположились две реакции: «отрицание» и «активность», по 12,26%. Среди респондентов со средним уровнем развития социального интеллекта на третьем месте по частоте встречаемости расположилась «агрессивная» реакция – 17,4%, а в группе с низким уровнем развития социального интеллекта – «действенное мышление» – 11,48%.

Следовательно, мы можем сказать, что для лиц с высоким уровнем социального интеллекта в большей степени свойственны следующие реакции: «отрицание», «активность», «агрессивность» и «инициативное мышление». В группе лиц с низким уровнем развития социального интеллекта в большей степени свойственны «активная» реакция, реакция «отрицания», «агрессивная» реакция и «инициация мышления». Для лиц со средним уровнем развития социального интеллекта свойственны «агрессивная» реакция, «инициация мышления», «активная» реакция и «оценивающее

мышление» в потенциально проблемной ситуации.

Таким образом, мы можем отметить, что в целом для респондентов свойственно чаще демонстрировать различные варианты «ухода» от инициации мышления. Мы выявили, что наиболее часто в потенциально проблемной ситуации респонденты с различным уровнем развития социального интеллекта демонстрируют «активную» и «агрессивную» реакции. Преобладание подобных реакций, на наш взгляд, можно объяснить спецификой возраста. То есть стремление сформировать внутреннюю позицию по отношению к себе, по отношению к другим людям, а также к моральным ценностям оказывает свое влияние на все жизненные сферы. Отсутствие четко выраженной позиции проявляется в своеобразных пробах, подборках способов решения потенциально проблемных ситуаций. Наиболее часто проявляются реакции, основанные на эмоциях. Однако необходимо отметить, что лица с высоким и низким уровнем социального интеллекта достаточно часто «инициируют мышление», в то время как лица со средним уровнем мышления чаще демонстрируют «действенное» и «оценивающее» мышление. Следовательно, мы можем сказать, что лица с высокой и низкой адаптивной способностью направлены на разрешение противоречий в системе знаний о человеке. А лица со среднеразвитой адаптивной способностью в большей степени склонны проявлять процессы оценивания и готовность действовать по отношению к другому человеку. Мы предполагаем, что подобная тенденция связана с объемом накопленного опыта взаимодействия в потенциально проблемных ситуациях.

Основываясь на мнении В.Н. Дружина, что «интеллект – это способность

к мышлению» [4, с. 171], мы предположили, что социальный интеллект – это способность к мышлению о другом. Для проверки этого предположения был проведен корреляционный анализ, который выявил наличие значимых корреляционных связей между показателями некоторых субтестов и особенностями мышления о другом человеке.

Примечательно, что все связи обратно пропорциональные. Так, корреляционный анализ выявил наличие умеренной обратно пропорциональной связи ( $r = -0,440$  при  $p = 0,05$ ) между показателями субтеста № 1 и частотой встречаемости «инициации мышления».

Полученные данные свидетельствуют о том, что чем лучше студенты умеют предвидеть последствия поведения, чем более они способны предвосхищать дальнейшие поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения (семейного, делового, дружеского), предсказывать события, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений участников коммуникации, тем реже в потенциально проблемных ситуациях у них инициируется процесс мышления о другом человеке.

Корреляционный анализ также выявил наличие очень слабой обратно пропорциональной связи ( $r = -0,136$  при  $p = 0,05$ ) между показателями субтеста № 2 и частотой встречаемости «инициации мышления».

Данный результат говорит о редкой инициации мышления в межличностном взаимодействии при высоких оценках по субтесту, т.е. при высокой способности правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям, мимике, позам, жестам.

В результате проведенного статистического анализа мы также выявили тесную обратно пропорциональную

связь ( $r = -0,725$  при  $p = 0,01$ ) между показателями субтеста № 4 и проявлением «инициации мышления».

Следовательно, мы можем сказать о том, что чем выше развита способность к распознаванию структуры межличностных ситуаций в динамике, чем лучше студенты умеют анализировать сложные ситуации взаимодействия людей, понимают логику их развития, чувствуют изменение смысла ситуации при включении в коммуникацию различных участников, тем реже «включается» процесс мышления в ситуации межличностного взаимодействия.

В результате обработки вышеперечисленных данных корреляционный анализ выявил наличие тесной обратно пропорциональной связи ( $r = -0,820$  при  $p = 0,01$ ) между общим уровнем развития социального интеллекта и частотой инициации процесса мышления в ситуации межличностного взаимодействия.

Следовательно, чем более у студентов выражена способность к извлечению максимума информации о поведении людей, понимание языка невербального общения, способность высказывать быстрые и точные суждения о людях, успешно прогнозировать их реакции в заданных обстоятельствах, проявлять дальновидность в отношениях с другими, тем реже они «используют» инициацию мышления для познания нового и необычного в межличностном взаимодействии.

Необходимо отметить, что единственный субтест, который не связан с особенностями мышления о другом человеке, это субтест № 4, диагностирующий способность понимать изменение значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей их ситуации, выявление умения разбираться в речевой экспрессии.

Таким образом, мы можем сказать, что, согласно полученным данным, чем ниже уровень развития способности предвидеть последствия поведения в определенной ситуации, чем ниже способность понимать и интерпретировать невербальное поведение и способность понимать логику развития ситуаций взаимодействия, значение поведения людей в этих ситуациях, и, как следствие, чем ниже уровень развития социального интеллекта в целом, тем более часто иницируется мышление для познания как участников межличностного взаимодействия, так и самой ситуации взаимодействия.

Данные результаты, на наш взгляд, можно объяснить недостатком опыта общения в ситуациях межличностного взаимодействия. То есть отсутствие стереотипов, шаблонов общения, накапливаемых в течение жизни, провоцирует возникновение когнитивного диссонанса, который, в свою очередь, является фактором, способствующим инициацию мышления о другом человеке в ситуациях межличностного взаимодействия.

Проведенный однофакторный дисперсионный анализ позволил выявить наличие причинно-следственных связей между показателями социального интеллекта в целом и отдельными его способностями и частотой встречаемости различных вариантов реакций в потенциально проблемной ситуации.

Мы выявили достоверно значимый показатель между общим уровнем развития социального интеллекта и «инициацией мышления» ( $F = 7,029$  при  $p = 0,001$ ), а также слабовыраженную причинно-следственную связь между способностью распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике и «инициацией мышления».

Таким образом, мы можем сказать, что низкий уровень социального

интеллекта в целом и слаборазвитая способность анализировать сложные ситуации взаимодействия людей, понимать логику их развития, чувствовать изменение смысла ситуации при включении в коммуникацию различных участников являются причинами частой инициализации мышления в потенциально проблемной ситуации межличностного взаимодействия.

На наш взгляд, подобный результат может быть объяснен двумя причинами. С одной стороны, социальный интеллект является результатом накопленного опыта социального взаимодействия, набором некоторых стереотипов восприятия и приемов действия. Низкий уровень социального интеллекта свидетельствует о недостатке опыта, в силу чего в новых и нестандартных ситуациях респондентам не хватает «знаний, умений и навыков» в общении с другими людьми. В результате этого юноша вынужден задумываться над ситуацией и ее участниками, «включая», тем самым, собственно процесс мышления о другом человеке. Однако мы также можем предположить, что подобный результат является следствием степени трудности предложенной ситуации. Мы можем предположить, что в процессе исследования именно накопленный ранее опыт позволил лицам с высоким социальным интеллектом описать поведение в предложенной ситуации, не размышляя над ней, а предложив один из ранее использовавшихся способов действия.

Как уже было показано, мы выявили значимую причинно-следственную связь между частотой проявления «действенного мышления» и субтестом № 2, диагностирующим способность правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям, мимике, позам, жестам.



Следовательно, мы можем предположить, что способность правильно распознавать невербальное поведение участников межличностного взаимодействия является причиной тенденции к проявлению «действенного мышления». При этом необходимо отметить специфическую тенденцию влияния данной способности на частоту проявления «действенного мышления». Специфика заключается в том, что «действенное мышление» будет наиболее часто проявляться у лиц со средним уровнем развития способности к трактовке невербального поведения. В то же время и низкие и высокие показатели развития данной способности снижают частоту встречаемости «действенного мышления» при решении потенциально проблемных ситуаций межличностного взаимодействия.

Мы считаем, что подобные результаты можно интерпретировать следующим образом. На наш взгляд, лица с хорошо развитой способностью читать невербальные сигналы другого человека, осознавать их и сравнивать с вербальными сигналами, вероятно, не будут испытывать проблем в разрешении потенциально проблемных ситуаций. По мнению Е.С. Михайловой [5], данная способность, скорее всего, лежит в основе интуиции. Следовательно, хорошо развитая интуиция будет способствовать адекватному решению личностно конфликтных ситуаций.

Соответственно, лица с низкими показателями в распознавании невербального поведения и ориентировании на него в процессе межличностного взаимодействия будут испытывать ярко выраженный когнитивный диссонанс и, как следствие, возможно, будут наиболее часто инициировать мышление в потенциально проблемной ситуации общения.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Выделено три формы мышления о другом человеке: «оценивающее мышление», «действенное мышление» и «инициация мышления», а также шесть способов ухода от мышления о другом человеке: активный, пассивный, реакция отрицания, нейтральная, агрессивная и меркантильная реакции.

2. Выявлено, что достоверно чаще в потенциально проблемной ситуации межличностного взаимодействия большая часть испытуемых (70,6%) демонстрирует различные формы ухода от решения проблем, а следовательно, и от мышления о другом человеке.

3. Выявлено наличие значимых различий в частоте использования различных способов реагирования в потенциально проблемной ситуации у лиц с разным уровнем развития социального интеллекта:

- низкий уровень развития социального интеллекта обратно пропорционально связан и является причиной инициации мышления о другом человеке в потенциально проблемной ситуации межличностного взаимодействия;
- слаборазвитая способность распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике также служит причиной инициации мышления о другом человеке в потенциально проблемной ситуации межличностного взаимодействия;
- развитие способности правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям на среднем уровне является фактором, детерминирующим преобладание «действенного мышления».

Таким образом, можно сказать, что все гипотезы нашего исследования подтвердились.

**Литература**

1. *Белоусова, А.К.* Принципы изучения совмещенной психологической системы / А.К. Белоусова // Российский психологический журнал. 2006. № 3.
2. *Белоусова, А.К.* Самоорганизация совместной мыслительной деятельности / А.К. Белоусова. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2002.
3. *Белоусова, А.К.* Самопознание и познание других в мыслительной деятельности / А.К. Белоусова // Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления. М.: Ин-т психологии РАН, 2003.
4. Когнитивная психология: учебник для высш. учеб. заведений / под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М.: ПЭР СЭ, 2002.
5. *Михайлова (Алешина), Е.С.* Методика исследования социального интеллекта: руководство по использованию / Е.С. Михайлова (Алешина). СПб.: Издат, 1996.
6. *Рубинштейн, С.Л.* Принципы и пути развития психологии / С.Л. Рубинштейн. М.: Москва, 1959.
7. *Тихомиров, О.К.* Психология мышления: учеб. пособие для высш. учеб. заведений / О.К. Тихомиров. М.: Академия, 2002.